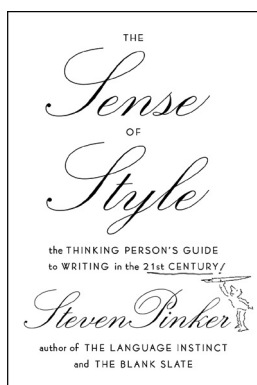

Критика

Steven Pinker.
The Sense of Style:
The Thinking Person's Guide
to
Writing in the 21st Century.
N.Y.: Viking Adult,
2014. — 368 p.

В защиту автора

Исправление традиционных практик и их расколдование — известный просветительский сюжет. Часто наука не открывает новых горизонтов, а действует там, где какая-то практика уже существовала и люди худо-бедно обходились своей наукой, доморощенной, например кулинарной, лингвистической или сексуальной. От критики метафизики, модерна и Канта несложно перейти к молекулярной кухне. Ставки рационализации в ряду от диалектики чистого разума, озабоченной очищением нашего мышления, до вакуумных кастрюль и жидкого азота, очищающих сам смысл «сырого и приготовленного», становятся все скромнее и страннее. Стихийные теории, записанные в тех же поваренных книгах или в традиционных грамматиках, плохи даже не тем, что не выдерживают проверки. Хуже то, что не всегда получается точно определить, что именно заслуживает в них отбраковки. Быть может, традиционная жарка, варка и холодное копчение редуцируются до уравнений химических реакций, показывающих, что в них правильно, а что — нет, и после такой редукции их можно было бы даже, радикально изменив, усовершенствовать. Однако в своей завершенности, как окончательные и далее не редактируемые методы, своеобразные рутинные и энтимемы цивилизации, они упорно сопротивляются подобному просвещению и анализу. Повара не слишком-то надеются, что аналитическая химия поможет им достичь вершин высокой кухни.

Последняя книга известного гарвардского психолингвиста Стивена Пинкера, название которой можно

несколько тяжеловесно перевести как «Чувство стиля: руководство по письму для мыслящего человека в XXI веке», попадает примерно в ту же ситуацию, что молекулярная кухня, хотя и не ставит себе столь радикальных задач. Различные учебники и руководства по английскому стилю, нацеленные на аудиторию многообразных писателей и просто райтеров, составляют отдельный жанр, и отличие «руководства» Пинкера только в том, что он подводит под свои рекомендации (в целом здравые) науку — когнитивную психологию и лингвистику. Множество *guides*, как отмечает Пинкер, десятилетиями навязывают начинающим авторам (да и просто школьникам) «правила письма», основание которых неизвестно. Такое обучение построено исключительно на страхе ошибок. Авторитетность руководств опирается лишь на традицию и императивность автора, который в конечном счете говорит одно: «Пиши так и не иначе». Пинкер действует в ситуации, где уже есть несколько неговорчивых «заинтересованных сторон»: собственно авторы самых разных мастей (от журналистов-фрилансеров и блогеров до профессиональных райтеров и заслуженных писателей), то есть узус; нормативная, но, как выясняется, не научная (или не всегда научная) фолк-теория этого узуса (традиционные грамматики и руководства по стилистике); наконец, наука, которую представляет сам Пинкер. По идее наука должна была бы обратиться непосредственно к тем, кто пишет, тому самому «мыслящему человеку» (*Thinking Person*), который указан в заглавии. Но сделать это через голову многовековой стихийной теории, которая восходит к первым попыткам концептуа-

лизации английского письменного языка на основе латинских грамматик (также по современным меркам ненаучных), не так-то просто, и причин тому несколько.

Во-первых, рекомендации, часто, по мнению Пинкера, необоснованные, давно утвердились в самом узусе, стали маркером образованности, да и попросту удобным полем для состязания знатоков. Достаточно вспомнить два наиболее известных примера: *split infinitive* («разорванный инфинитив» вроде *to decisively reject*) и разнообразные *danglers* (обособленные выражения), среди которых особенно опасны причастные и деепричастные («Проезжая мимо станции, с меня слетела шляпа» или *Walking down the street, the house was seen*¹). Хотя большинство авторов современных словарей сходятся на том, что *danglers* пусть и неуклюжи, часто вполне корректны и логичны (а некоторые давно стали устойчивыми выражениями вроде *considering...* или *given that...*)², вопрос не решен — они по-прежнему образуют своеобразную болевую точку, место для флейма, в котором возможны авторитетные (и авторитарные) решения, позволяющие создавать социальные различия и дифференцировать модусы более или менее ученого (а потому и привилегированного) словоупотребления. Обе вышеуказанные страшилки, с которыми быстро

1. Bryan A. Garner. *Garner's Modern American Usage*. Oxford: Oxford University Press, 2003. P. 743, 217.
2. Более того, их употребляют и известнейшие грамматиканы, и прославленные авторы: в рассказе Мелвилла «Писец Бартлби» встречается семь (!) пресловутых *danglers*: Ibid. P. 218.

сталкивается едва ли любой изучающий английский язык, не говоря уж об авторах-носителях, Пинкер считает не более чем вредным суеверием. В частности, проблема *split infinitive* возводится им к смешению структур английского глагола и латинского. А потому Пинкер советует решать проблему не глобально, а локально: если обособленные выражения и разорванные инфинитивы не создают двусмысленностей, не нарушают синтаксической структуры фразы и позволяют выразиться короче и яснее, тогда с ними все в порядке. Но создается впечатление, что он не слишком-то чувствует проблему, которая, скорее, в том, что узус — не только передача информации, но и, собственно, социальная практика языка, в которой отдельные концептуализации, пусть и ошибочные, становятся фокальными точками для многовековых конфликтов, *usage wars*, на которые проецируются не столько проблемы языка «как он есть» (то есть, по Пинкеру, языка в горизонте языкового инстинкта), сколько прагматика обучения, социального расслоения, стратификации и т. д. Невнимание «дескриптивистов» (противопоставлявшихся «прескриптивистам» лингвистов, описывающих словоупотребление) к этому аспекту языковой практики высмеял еще Дэвид Фостер Уоллес в своем эссе *Tense Present. Democracy, English, and the Wars over Usage*³, в котором, кстати говоря, «рецензировалась», — правда, не в первую очередь и больше мимоходом — и книга Пинкера «Язык как инстинкт».

3. Wallace D. F. *Tense Present. Democracy, English, and the Wars over Usage* // Harper's Magazine, April 2001.

Во-вторых, хотя психолингвистика при поддержке профессионального лексикографического сообщества готова в некоторых случаях опровергнуть *received wisdom*, она не должна этого делать *слишком* часто и явно. В конце концов, наука не может научить нас говорить или писать уже потому, что мы и сами это умеем делать, и это умение так или иначе фиксировалось в трудах «прескриптивистов», то есть пуристов, всех этих, как пишет Пинкер, «*sticklers, pedants, peevers, snobs, snoots, nitpickers, traditionalists, language police, usage nannies, grammar Nazis...*» Соответственно, четкого водораздела, который бы помечал действительно научный подход к стилю и письму, не существует: некоторые правила традиционной стилистики Пинкер просто проясняет или уточняет, а некоторые остаются без изменений. Например, обычно стилисты рекомендовали *keep related words together*, то есть связывать слова блоками, чтобы было ясно, что к чему относится. Пинкер показывает, что в некоторых случаях это правило не может работать буквально, поскольку синтаксическая структура (имеющая древовидную форму) не совпадает с линейным расположением слов в предложении. В качестве примера он приводит фразу из университетского объявления, в котором указывалось, что ожидается *faculty panel on sex in college with four professors*. Здесь все слова, если судить формально, стоят на своем месте, однако двусмысленность неизбежна. Конечно, Пинкер может провести синтаксический анализ фразы и указать на проблему частотности (устойчивость словосочетания *sex with*), чтобы прояснить, откуда эта дву-

смысленность берется. Однако понятно, что, покажи он такую фразу какому-то более «традиционному» грамматiku, тот тут же согласится, что ее надо переделать. Большинство рекомендаций Пинкера достаточно очевидны, и, по сути, вряд ли с ними кто-то серьезно спорил бы, если опять же не бросаться на дзоты *usage wars*. В этом смысле книга Пинкера, хотя и не проходит по разряду *English as Foreign Language*, полезна именно в этом качестве — наконец-то можно узнать, как по науке употреблять *that* и *which* и куда в английском делось сослагательное наклонение. Но в целом возможности рационализации стилистики оказываются ограниченными: привлечение развитого научного аппарата, конечно, в какой-то мере облегчает задачу, но не пропорционально весу самого этого аппарата. Например, если вы хотите писать без двусмысленностей, рисовать древовидную диаграмму каждого предложения (начиная с базовых именной и глагольной конструкций и заканчивая всевозможными модификаторами и координаторами) не обязательно (да и невозможно), а раз так, следует полагаться на собственные способности к «парсингу» фраз. Но в таком случае совершенно не исключено, что традиционные руководства по стилю предоставляют более (или по крайней мере не менее) богатый арсенал приемов и ухищрений, чем их научная версия, — просто потому, что у них не было цели научного самообоснования и им было достаточно сосредоточиться на практике. Излишняя же их строгость может объясняться как эффект дидактичности, необходимый для утверждения «лучших практик» (отсюда *hyper-correction*).

В-третьих, проблема прямого обращения к райтеру в «двадцать первом веке» осложняется тем, что задача Пинкера хотя и выглядит универсальной, на деле оказывается неожиданно зауженной, что уже говорит о непростых отношениях всех, кто занят письмом и его контролем. Оставляя за рамками рассмотрения огромную сферу американского *creative writing*, которая сама давно стала полем для исследования и отдельной социальной проблемой, Пинкер пытается говорить о письме как оно есть, в его наиболее базовом (если таковой существует) виде. Такое письмо, с одной стороны, оформляется психолингвистикой (а потому должно распространяться и на *fiction*), а с другой, представляется нейтральным образцом, к которому могут и должны стремиться все, хотя мало у кого получается. Соответственно, стилистическое обращение Пинкера чудесным образом обходит саму *проблему* стиля, а именно его многообразия и дифференциации, а потому и потенциальная аудитория тех, кто мог бы писать «по Пинкеру», оказывается не такой уж большой. И состоит она преимущественно из тех, кто вообще не ставит стилистических задач и для кого письмо не является «основной» проблемой.

Что это означает на практике, то есть как мы могли бы стать «писателями по Пинкеру»? Лингвистические рекомендации Пинкера (составляющие три последних главы и охватывающие вопросы построения фразы, повествования и узуса) привязаны к английскому, однако общие стилистические соображения (в первых трех главах) легко распространяются на любой язык. Во второй главе Пинкер указывает на то, что

письмо — действие неестественное (в отличие от устной речи), а потому для него нужна определенная виртуальная позиция или «симуляция», которая бы задавала координаты для письма (что именно делает пишущий, к кому он обращается, что пытается им передать, как на них воздействует и т. п.). Такая симуляция позволяет восполнить то, чего не хватает письму, а именно непосредственного контакта, и она же создает границы для стиля. Лучшей симуляцией для широкой аудитории, то есть для эссе, статьи, обзора, поста в блоге и т. д., является, по Пинкеру, «классический стиль», как его определили Фрэнсис-Ноэль Томас и Марк Тернер⁴. Классический стиль построен на метафоре «окна в мир»: автор показывает читателю некую истину, направляя на нее его взгляд. Истина является познаваемой, но не тривиальной и не очевидной, при этом она уже известна автору, а не открывается в процессе письма. «Показ» предполагает, что в окно действительно можно что-то увидеть, то есть такой стиль уже содержит в себе некоторую онтологию, базовыми элементами которой являются конкретные сущности (не обязательно «вещи», главное, чтобы не метадискурсивные и не рефлексивные элементы). Они как-то ведут себя, взаимодействуют, и это поведение отображается в нарративе. Пинкер справедливо указывает, что изобретение классического стиля — дело сравнительно недавнего прошлого (в числе его отцов-основателей — Декарт и Ларошфуко) и что им, вообще-то, дело не ограничивается, однако на остальные сти-

4. Thomas F.-N., Turner M. *Clear and Simple As the Truth: Writing Classic Prose*. Princeton: Princeton University Press, 1996.

ли (например, романтический) тратит на удивление мало времени. Гораздо больше энергии уходит на критику всевозможных препятствий классическому стилю, среди которых различные метадискурсивные образования (например, такие термины, как «термин», «проблема», «контекст», «дискурс» и т. п.), чрезмерное внимание автора к собственной деятельности (пример — описание в статье истории создания самой этой статьи, а не предмета), избыточное прописывание условий и оговорок («хеджирование» тезисов) и внутренняя разметка текста («как уже было сказано в предыдущем абзаце...»). Образцом классического стиля становится небольшая научно-популярная статья Брайана Грина «Добро пожаловать в мультиверсум»⁵, которую Пинкер подробно разбирает, показывая, что посмотреть «в окно» можно не только на знакомые нам в быту предметы, но и на абстракции космологии. Статья Грина неплоха, но интереснее то, что наихудшими авторами, максимально далекими от классического стиля, признаются постмодернисты. Фредерик Джеймисон занял в 1997 году первое место в шуточном «Конкурсе плохого письма», устроенном новозеландским философом Денисом Даттоном, а вслед за ним сразу шла Джудит Батлер. Возникает вопрос: не создан ли классический стиль именно для того, чтобы постмодернисты, постструктуралисты и лично товарищ Жижек писали один хуже другого?⁶

5. Green B. *Welcome to the Multiverse* // Newsweek. May 21, 2012. URL: <http://www.newsweek.com/brian-greene-welcome-multiverse-64887>.

6. Одна из недавних вспышек активной нелюбви Пинкера к Жижеку была

Конечно, Пинкера можно упрекнуть в пристрастности. Да, Джеймисон порой пишет сложно, но вряд ли у него можно найти ошибки или двусмысленности, которые были бы очевидны на уровне синтаксического анализа фразы. Батлер же во многих текстах представляется как раз весьма сильным стилистом, так что со стороны Пинкера это явный *faux pas*. Но дело не только в этом. Когда Пинкер спрашивает, почему многие академические авторы так плохо пишут, он рассматривает несколько гипотетических причин, но не говорит об очевидном — о том, что его «классический стиль» вряд ли можно считать образцовым для научно-академического письма (не говоря уже о художественной литературе). Многие ученые и редакторы научных журналов недовольны тем, как пишут в научной среде, то есть, по мысли Пинкера, большинство редакторов хотели бы увидеть статьи в «классическом стиле», но получают нечто крайне профессиональное и «хеджированное», а потому неудобочитаемое. Но все ли дело в каких-то персональных страхах и предубеждениях, то есть в конечном счете в пороках авторов? Не является ли такой аргумент со стороны редакторов и даже авторов, превращающий систематические ограничения в досадную личную оплошность (или некий неискоренимый предрассудок, требующий писать сложно), обычным идеологическим приемом, направленным на то, чтобы скрыть базовые требования к научной деятельности и переложить всю вину на конечного исполнителя? Не требует ли наука

отмечена эскападами в твиттере.
См. URL: <https://twitter.com/sapinker/status/474567925743882240>.

как институт невозможного — писать для коллег и в то же время писать для всех, а если это не получается, то виноват, разумеется, автор, то есть плохой стилист?

Проблема, иными словами, не в том, какие именно эмпирические или психологические причины определяют «плохое» письмо ученых, а в том, где именно их ищет Пинкер, под каким фонарем и от чего в этом поиске уклоняется. Классический стиль предполагает «широкую публику», чего нельзя сказать о большинстве научных статей. Пинкер ни разу не упоминает того, что профессионализация вряд ли совместима с классическим стилем (или, как мы сказали бы по-русски, «хорошим русским языком»), поскольку специальное письмо может преследовать совершенно иные задачи. Дело не столько в многочисленных психологических и социальных уловках, которые отображаются в письме и сводятся к тем или иным тактикам защиты, признаваемым стилистически порочными, а в способах социального функционирования научного, философского или даже художественного текста, на которые Пинкер не обращает никакого внимания. «Симуляция» классического стиля должна покрывать все возможности общения с публикой, воссоздавая чуть ли не просвещенческую «литературную республику». Но не является ли такая позиция самообманом, пусть и вписанным на определенном уровне в идеологию самой науки? Отклонение от этой симуляции приходится считать — в том же просвещенческом ключе — той или иной формой искажения, загрязнения, психологического или социального предрассудка, мешающих нормальной стилистической работе. Но в таком случае

из виду полностью упускается все та же прагматическая составляющая письма, которая, в частности, хороша известна по социологии науки. Системы верификации и легитимации, ссылочный аппарат, указания на то, как создавалась та или иная работа, история исследований — все это, как правило, является основной научной стилистики⁷, а не чем-то внешним, не балластом, как, похоже, хочет сказать Пинкер. Можно спорить о том, насколько полезна или продуктивна подобная стилистическая организация, однако ясно, что классический стиль подходит в большей мере не столько для обычного ученого, зажатого тисками институционального воспроизводства, сколько для пандита, каковым, в общем-то, давно стал и сам Пинкер, то есть для ученого, который общается с широкой публикой, не считая, что его слова нуждаются в коллегиальной оценке. Разумеется, в той или иной мере тот же стиль может подойти и для репортажей, блогов, обзоров и т. п. Исключив социальную прагматику текста, Пинкер находит причины для плохого письма в когнитивной психологии. Главная из них — это «проклятие знания» (*curse of knowledge*), то есть неспособность автора представить меру неосведомленности читателя. Автору кажется, что читатель знает примерно то же, что и он, особенно если речь о «самоочевидных» вещах. Каждый профессионал (не обязательно ученый, это может быть менеджер или банкир) давно живет в своеобразном пузыре устойчивых терминов и концептов, которые часто сокращаются до условных

7. Как это хорошо показано у Латура: Латура Б. Наука в действии. СПб.: Европейский университет, 2014. С. 60 слл.

обозначений, употребляются в устойчивых сочетаниях и предполагают строго определенные смыслы. «Проклятие знания» отбирает у нас время и силы, поскольку нам приходится разбираться с тем, что могло бы быть написано яснее. Письмо переполняется абстракциями (как у Джудит Батлер), слэнгом, «академизмами» и т. п. Предположим, все это так, но опять же неясно, почему, если ты не пандит и не блогер, должен непременно все разжевывать? И как, собственно, это сделать на практике, не предпуская каждому сколько-нибудь специальному тексту тот или иной «вводный курс»?

Еще интереснее те примеры, которые Пинкер приводит как варианты перевода профессионального научного языка (стилистически ущербного) в классический стиль. *Participants were tested under conditions of good to excellent acoustic isolation* — эту условную фразу из статьи по психологии Пинкер переводит как *We tested students in quiet room*. Предположим, что участников эксперимента действительно тестировали попросту в «тихой» комнате, однако значит ли это, что вторая фраза говорит ровно то же, что и первая, только лучше и проще, то есть ближе к искомому классическому стилю? Если даже референты фраз *conditions of good to excellent acoustic isolation* и *quiet room* равны, первая фраза не просто научный слэнг — она может указывать на то, как именно определяются хорошие или отличные условия, то есть она задает «шкалу», которую можно, к примеру, воспроизвести в противоположность «тихой комнате». Иначе говоря, в эту фразу может быть вписан определенный научный метод, тогда как перевод Пинкера сближен с бытовым описанием, которое не поддается

научному воспроизводству. То, что кажется упрощением и приближением к референту, легко может оказаться усложнением: возможно, есть много видов «тихих комнат» для самых разных субъектов (например, для совершенно глухих, со слуховым аппаратом, погруженных в глубокую медитацию, возбужденных медицинским стимулятором, с повышенным артериальным давлением и т. д.), и для воспроизводимого тестирования необходимо как раз эксплицитно задать эти условия, то есть вскрыть «черный ящик» тишины. Все эти обертоны и социально значимые цели текста представляются у Пинкера лишним мусором, негативным следствием профессионализации.

То же самое показывает пример из условного менеджериального жаргона. Фразу

Management actions at and in the immediate vicinity of airport do little to mitigate the risk of off-airport strikes during departure and approach

Пинкер приводит в чувство так:

Trapping birds near an airport does little to reduce the number of times a bird will collide with a plane as it takes off or lands.

Даже если предположить, что под «действиями менеджмента» подразумевались ловушки для птиц, очевидно, что речь о разном: в первом случае говорится о неудаче определенной управленческой инициативы, то есть такая фраза могла появиться, к примеру, в отчете начальству. Она говорит о действиях в модусе подчинения/руководства/ис-

полнения внутри той или иной цепочки командования. Во втором случае мы действительно смотрим в окно и видим, что ловушки не работают: птиц меньше не стало, они сталкиваются с самолетами, те падают. Занимательное природоведение, пусть даже в окрестностях того же аэропорта. Радикальное невнимание к прагматической модальности фраз вытекает все из того же не заданного вопроса: с какой стати менеджеру, обращающемуся к другому менеджеру, описывать в «классическом стиле» поведение птиц? Разве он обращается к широкой публике? Более того, если бы он решил провернуть такой трюк, например, на очередной летучке и вдруг заговорил (или тем более написал) в эдаком отстраненном-природоведческом ключе («птицы не ловятся, самолеты сталкиваются, ловушки не работают»), такой стилистический сдвиг, несомненно, был бы прочитан в координатах именно менеджериальной схемы как уклонение от ответственности и упрек вышестоящему руководству, которое, очевидно, отдает неправильные приказы, раз толку от них никакого. Перейти к нейтральному «взгляду из окна» не так-то просто. Симуляция классического стиля на рабочем месте, то есть демонстративное глазение в окно, была бы, пожалуй, истолкована не только как саботаж («вместо того чтобы работать, они занимаются *birdwatching*’ом»), но и как вызов самой управленческой иерархии — в конце концов, зачем она нужна, если вещи таковы, как они есть, если по большому счету все идет своим чередом, свидетельствуя разве что о тщетности наших *actions*? Там, где есть классический стиль, менеджерам делать нечего.

«Чувство стиля», которое желает привить читателям Пинкер, требует минимального стиля, едва ли не его «нулевой степени», при которой письмо равносильно описанию доступных референтов. Виртуальная стилистика выстраивается как подкрепленный базовыми языковыми константами стиль самого мозга, который смотрит в окно (то есть попросту смотрит вне самого себя). Синтаксические рекомендации обосновываются в конечном счете вычислительными затратами мозга читателя на парсинг, синтаксическую разбивку, фраз: чем сложнее фраза, чем больше ее вес сдвинут влево, а не вправо, тем сложнее связать все части вместе и понять, о чем идет речь. Правда, не совсем ясно, как эта калькуляционная функция идеального читателя Пинкера сочетается с обилием весьма сложных — именно в таком вычислительном плане — конструкций не только в литературе (скажем, у Генри Джеймса), но и в современном узусе. Президент Обама легко говорит такими, например, предложениями, попадающими в печатный текст:

In some ways, the decision that was just handed down to not do anything about what states are doing on same-sex marriage may end up being as consequential — from my perspective, a positive sense — as anything that's been done⁸.

8. *Toobin J.* Obama Brief. The President Considers His Judicial Legacy // *New Yorker*, October 27, 2014. Кстати, по мнению Пинкера, именно *New Yorker* довел пунктуационную корректность до предела, отмечая запятыми все вводные и уточняющие обороты, не говоря уже о придаточных предложениях. Видимо, президента не редактируют.

С точки зрения Пинкера, тут все плохо — и сложно простраиваемый синтаксис с большим количеством вложений в центре фразы, и отрицание, способное сбить с толку («решение... не делать?»)⁹, и элементы канцелярита. Но почему-то никто не рвется исправлять ситуацию и учить президента (а также юристов, судей, менеджеров и т.д.) более простому и синтаксически экономному языку. Можно предположить, что значительные вычислительные затраты на чтение/интерпретацию встроены в определенную социальную практику *fluency*, в которой они выступают в виде своеобразного ценза: тот, кому эти затраты не по карману, то есть «не по мозгу», просто не допускается к обсуждению, причем этот барьер выглядит совершенно естественным. Для его преодоления требуется, к примеру, обучение в Гарварде или многолетняя юридическая практика. Интересно, что юридический язык Пинкер тоже считает избыточным и даже приводит цитату из Адама Фридмана:

Юридический шаблонный язык отличается таким сочетанием архаической терминологии и разгоряченной многословности, что кажется, будто его написал средневековый писец на крэке.

9. С точки зрения психолингвистики, уточняет Пинкер, отрицание фразы — это дополнительная работа, тогда как «истина» не требует никакого труда со стороны психического аппарата. То есть, когда фраза понимается, она уже воспринимается в качестве «истинной», это значение по умолчанию. Тогда как отрицание — это труд. Гегель в этом смысле абсолютно прав: выражение «работа негативности» является, по сути, тавтологией.

Пусть так, но, вероятно, есть какие-то причины для этого громоздкого механизма, так же как для хвоста павлина и прочих непрактичных и затратных вещей?

Возможно, в мире, где существовали бы только мир и мозг, снабженный языковым модулем, то есть генеративной грамматикой, классический стиль и правда был бы идеалом. К сожалению, наш мир расщеплен на множество миров, в том числе специальных или профессиональных, которые невозможно свести к элементарной схеме, напоминающей эпистемологические опыты философии Нового времени, в которых статуя Кондильяка могла постепенно ожить и увидеть мир так. В этом смысле, если вернуться к вопросу о *usage wars*, можно сказать, что послание Пинкера, конечно, демократично и либерально, но, возможно, это слишком ограниченная демократия. Поскольку, как указывали поколения англоязычных авторов — от Оруэлла до Уоллеса, — вопросы словоупотребления и грамматики являются политическими, Пинкер не может не занять поли-

тической позиции, хотя в его онтологии для нее очень мало места. Английский язык представляется языком демократии, в котором возможно очень многое, так что претензии авторитарных прескриптивистов неизбежно терпят провал. Но это многое, по сути, лишается своего нормативного, утвердительного оттенка — скорее, это чистая вариативность узуса, которая осаждается в признаваемых изменениях, с которыми постепенно свыкаются профессионалы языка и стиля. Либерализм Пинкера — это либерализм больших чисел, удобно демпфируемый профессиональным сообществом лингвистов и лексикографов, то есть экспертократией. Возможно, он как нельзя лучше соответствует американской демократии — текучей и вариативной, но при этом вполне элитистской. Низовые изменения неизбежны, но значимы они тогда, когда доходят до экспертов и элит, поскольку, по сути, сами представляются слишком сырой, слишком подвижной силой, чтобы иметь какое-то политическое (и лингвистическое) значение.

Дмитрий Кралечкин

Изучать человека, оставаясь им

А сейчас, друзья, вы читаете мой самый (или единственный?) полезный текст в жизни. Луч надежды, что два этих тома когда-нибудь будут переведены на русский язык, как-то тускло пробивается сквозь тысячу семьсот страниц неслабого формата. Исторический факультет, когда-то мной начатый да так и не оконченный, дал мне любопытство заметить и право заглянуть в них. Не то чтобы книги эти не вызвали у меня нареканий: в них куча повторов и немало про-

тиворечий; несколько навязчивое *temto mori* придает портрету профессии излишнюю мрачность, если не загробность; автор отвергает все идеологии (по преимуществу левые), но одну — свою (по преимуществу правую) — не замечает; наконец, хотя он не раз гадает, какой будет профессия историка в 2050-х или 2100-х годах, у него не хватает удалит увидеть, что она уже изменилась. Компьютер, или, как он его называет, *аппарат для обработки текста*, он упоминает один (!) раз (и то описывая, что в биб-